

Воинские традиции в археологическом контексте:

от позднего латена
до позднего средневековья

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Воинские традиции в археологическом контексте:

**от позднего латена
до позднего средневековья**

Тула
Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник
«Куликово поле»
2014

С. Ю. Каинов

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО КОМПЛЕКСА БОЕВЫХ СРЕДСТВ

Война — одно из изначально присущих человеческому обществу состояний на всех стадиях его развития — от древности до современности. И вполне закономерно, что именно военное дело, и в особенности его материальная составляющая — комплекс боевых средств, аккумулируют все самые последние для своего времени достижения науки и техники. В первую очередь поэтому изучение военного дела является неотъемлемой частью изучения истории и культуры любого государства или народа.

Результатом событий и процессов, имевших место на территории Восточно-Европейской равнины в конце I тыс. н.э., было возникновение раннегосударственного образования, значительно позднее названного Киевской Русью. В этом нельзя видеть некое одномоментное явление. Формирование политических и других институтов древнерусского государства растянулось на несколько столетий, и на него оказали влияние различные внешние и внутренние факторы. Процесс сложения древнерусской воинской культуры, проходящий одновременно с образованием государства и также растянутый во времени, отразил многие политические, социальные и этнические реалии конца IX — начала XI в. Наиболее интенсивно этот процесс шел в рамках социумов поселений, расположенных, как правило, на торговых путях и являвшихся военно-административными и торговыми центрами региона, а также связанных различными отношениями с другими территориями. Именно в таких центрах, как Ладога, Рюриково городище, Гнездово, Шестовицы, Киев и др., располагались и формировались отряды профессиональных воинов-дружинников. Раскопки этих памятников позволяют сформировать наше представление в целом о так называемой дружинной культуре и в частности о древнерусском комплексе боевых средств.

Под комплексом индивидуальных боевых средств следует понимать совокупность предметов наступательного и оборонительного вооружения и снаряжения. Вопрос о включении в комплекс боевых средств элементов снаряжения всадника и верхового коня применительно к ранним этапам формирования древнерусского комплекса дискусионен. Несомненно, часть предметов снаряжения верхового коня (удила, псали, подпружные пряжки и др.) свидетельствовали о знакомстве с искусством верховой езды. Тем не менее сомнительно, что находка только этих предметов означает существование воинов, сражавшихся верхом. Таким маркером опре-

деленно выступают шпоры, основным предназначением которых было понуждение коня к быстрому выполнению команд в экстремальных ситуациях, каким и было боевое столкновение. Также следует отметить, что находка нескольких шпор хоть и позволяет предполагать существование конных воинов, совсем не является доказательством существования конницы (отрядов конных воинов) как рода войск.

Совершенно очевидно, что предметы, входящие в комплекс индивидуальных боевых средств, можно разделить на две части — «профессиональный» комплекс (оружие и снаряжение профессиональных воинов) и «универсальный» комплекс. Если основным предназначением первого было непосредственное применение во время войны, то второй мог использоваться как во время войны, так и в быту (ремесло и охота), причем «ремесленно-охотничье» применение превалирует над «боевым».

Можно выделить следующие различия двух комплексов. Во-первых, «профессиональный» комплекс включает в себя категории вооружения, чье применение в быту невозможно (или нерационально) — в первую очередь клинковое оружие (мечи, сабли, боевые ножи), а также защитное вооружение и снаряжение. Во-вторых — «профессиональный» комплекс, как правило, характеризуется быстрым «впитыванием» оружейных новаций, в том числе иноэтничных. В-третьих — оружие и снаряжение «профессионального» комплекса отличается, как правило, более высоким технологическим уровнем изготовления и уровнем обработки, в том числе уровнем финальной обработки. В-четвертых — оружие и снаряжение профессионального комплекса презентуют социальный статус владельца, что отражается как самим фактом наличия некоторых видов вооружения (например, мечи), так и орнаментацией предметов, в том числе и с применением сложных техник (шкрудация, чернь). «Универсальный» комплекс, напротив, консервативен (архаичен) по составу и менее «технологичен». В него входит значительно меньшее количество категорий предметов и они изготавливаются в первую очередь для утилитарных целей (топоры, наконечники копий и стрел). Их военное применение, скорее, вынужденное, нежели заложенное изначально.

Основное внимание в данной работе уделено комплексу «профессиональных» боевых средств. По нашему мнению, именно он наилучшим образом

отражает уровень развития военного дела отдельно взятого региона, а его состав — различные процессы, проходившие в конце 1 тыс. н.э. на территории формирующегося древнерусского государства.

Процесс сложения древнерусского комплекса вооружения можно условно разделить на несколько этапов. Учитывая отсутствие в большинстве случаев возможности узкой датировки предметов и комплексов, приходится оперировать временными промежутками не менее четверти столетия. Следует отметить, что археологические находки отражают явления с некоторым запаздыванием, то есть между появлением предметов в культуре и их широким распространением (достаточным, чтобы стать заметными в археологических находках) проходит время.

«Предгосударственный» этап. До сих пор нет работы, где была бы обобщена информация о находках восточноевропейских предметов вооружения VIII–IX вв. Тем не менее совершенно очевидно, что археологические источники не позволяют судить ни о высокой степени милитаризованности местного населения (славян и финнов), ни о существовании восточноевропейских дружин профессиональных воинов в VIII–первой половине IX в. Тем не менее уже в этот период фиксируется проникновение предметов вооружения, связанных с «профессиональным» комплексом.

Так, в Старой Ладоге в ранних горизонтах найдены фрагмент кольчужного плетения (конец VIII–начало IX в.), целый топор и обломок топора типа С (по типологии Я. Петерсена, далее — ЯП) (вторая половина VIII–первая четверть IX в.). В комплексе 750–760 гг., связанном с металлообработкой, автором раскопок Е.А.Рябининым предполагалось производство ланцетовидных наконечников стрел [Рябинин, 1995. С. 52–56]. Доказательством раннего проникновения мечей — уже с VIII века — на северо-запад будущего древнерусского государства служат находки в культурном слое Старой Ладogi деревянных мечей, несомненно копирующих реальное оружие — мечи ранних типов А, В, С (по ЯП) [Рябинин, 1995. С. 56]. Реальность их появления в столь раннее время подтверждает и ряд находок деталей мечей второй половины VIII–IX в., чье выпадание в культурный слой произошло уже в X веке [Каинов, 2012. С. 31]. По всей видимости, в VIII–IX вв. мечи для территории будущего древнерусского государства были редкими и дорогими предметами. Попав сюда, меч продолжал бытовать достаточно продолжительное время, хотя в большинстве регионов Европы (в первую очередь близким к местам производства мечей) данный тип меча уже выходил из употребления.

Все перечисленные предметы вооружения можно уверенно связать с североевропейской традицией, что хорошо согласуется с присутствием скандинавского населения в Старой Ладогe уже с самого возникновения этого поселения [Носов, 2012. С. 105]. Кроме Старой Ладogi североевропейские предметы вооружения найдены при раскопках Сарского городища — меч типа Е (по ЯП), топор типа С (по ЯП), ланцетовидный наконечник копья типа Е (по ЯП) с «готической» орнаментацией втулки и дамаскиров-

кой пера и др. [Леонтьев, 1996. С. 115, 121–123]. К сожалению, неясность археологического контекста не позволяет точно датировать время депозиции этих предметов. Особенности оформления деталей рукояти меча, а также североевропейские датировки аналогий меча и наконечника копья, с нашей точки зрения, не позволяют исключать возможности их попадания на Сарское городище в IX веке [Каинов, 2011. С. 149–150].

На юге будущего государства предметы вооружения VIII–IX вв. найдены в основном в ареале роменской культуры. По мнению А.В. Григорьева, большинство из них находят прямые аналогии в древностях салтово-маяцкой культуры [Григорьев, 2000. С. 142]. Наибольшая концентрация предметов вооружения (в том числе и входящих в профессиональный комплекс вооружения), а также снаряжения всадника и верхового коня связана с Битицким городищем, которое А.В. Григорьев считает крупным ремесленным и «административным центром или одним из центров Северной земли». Население этого центра было полиэтнично и кроме славян в него входило «одно из племен степной зоны» [Григорьев, 2000. С. 140–141, 175]. Отдельные находки клинкового оружия, кроме Битицкого, отмечены также на городищах Донецком, Новотроицком, Титчиха [Григорьев, 2000. С. 140]. Фрагменты кольчужного плетения, найденные в Волынцевском могильнике и на городище Титчиха, могли быть как частями доспеха, так и фрагментами кольчужных сумочек, распространенных в кочевнических древностях. В целом характеризуя военное дело северян, А.В. Григорьев предполагал, что, хотя большинство носителей роменской культуры было вооружено, они в то же время не были профессионалами и не составляли постоянного войска [Григорьев, 2000. С. 145]. Также в работе отмечено, что сложные в изготовлении предметы вооружения поступали с территории Хазарского каганата.

Таким образом, для «догосударственного» этапа характерно незначительное количество «профессиональных» предметов вооружения. Тем не менее их проникновение фиксируется уже с VIII–IX вв. — мечи, сабли, кольчуги, наконечники копий, топоры. В регионах, где письменные источники говорят о данническом положении населения относительно Хазарского каганата, предметы вооружения имеют аналогии преимущественно в салтовском круге древностей, в регионах, где фиксируется пребывание скандинавов, найдены предметы вооружения североевропейского происхождения. То есть найденные предметы «профессионального» комплекса вооружения связаны с проникновением иноэтничного населения. Никаких данных, свидетельствующих о наличии профессиональных дружин у славянского населения, по нашему мнению, нет.

«Скандинавский» этап (конец IX — середина X в.). В настоящее время мало у кого вызывает сомнение ведущая роль в процессе образования древнерусского государства выходцев из Северной Европы, известных по письменным источникам как русы. Несмотря на известие летописи под 882 годом (традиционно считающимся годом возникновения

древнерусского государства) о захвате князем Олегом сначала Смоленска, а затем Киева, «скандинавское» присутствие в материалах памятников Верхнего и Среднего Поднепровья начинает отчетливо ощущаться только с начала X века.

Именно в первой половине X века в погребения и культурный слой поселений попадают мечи и их детали, которые на территории Северной и Западной Европы датируются второй половиной VIII—IX в. — основание навершия меча типа В (по ЯП) и верхняя часть навершия типа 2 особый (по ЯП) или Mannheim (Гнездово, поселение), меч с перекрестием меча типа В (Новоселки, курган 5) [(Каинов, 2012. С. 31)¹. Начало «археологизации» мечей, по всей видимости, связано с увеличением их количества на территории Древней Руси. В погребальные комплексы попадают не только мечи с рукоятями «устаревших» типов, но также и еще находящихся «в моде» на территории остальной Европы (мечи типов D, E, H по Я.П.). В первой половине X века количество и территориальный охват памятников со «скандинавским присутствием» значительно увеличивается. К наиболее достоверным погребальным комплексам с мечами, датирующимся первой половиной X века, относятся погребения в Гнездовском могильнике — Ц-15/Кусц-1874, Л-13/Авд-1949, Л-35/Авд-1949, Ц-2/Авд-1950, Шестовицком могильнике — № 58 и 83, Михайловском могильнике — № 1/1902 и др. [Комар, 2012. С. 350; Мурашева, 1999. С. 32; Каинов, in press].

Помимо мечей из погребений второй четверти — середины X века происходят и другие предметы вооружения «профессионального» комплекса, аналогии которым широко представлены в Скандинавии и чье проникновение на древнерусскую территорию связано с пришельцами из Северной Европы — круглые щиты с металлическими деталями, боевые ножи, ланцетовидные наконечники копий и стрел. В целом весь комплекс «профессионального» вооружения, распространившийся на ряде древнерусских памятников в конце IX—середина X в, можно уверенно связывать с проникновением скандинавов. Именно они, приняв самое непосредственное участие в образовании государства, составили наиболее профессиональную часть войска Древней Руси в этот период. Не вызывает сомнения и участие в формировании дружин русов местного славянского и финского населения, выступавшего в качестве людского резерва для их пополнения. Тем более североευропейские воины сражались пешими, в том числе и знакомыми славянам и финнам топорами и копьями. Как исключительно пеших воинов характеризуют русов арабские и византийские письменные источники. *Ибн-Русе*: «Они (русы) храбры и мужественны, и если нападают на другой народ; то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Они высокого роста, статные и смелые в нападениях. Но на коне смелости не проявляют и

все свои набеги и походы совершают на кораблях» [Древняя Русь..., 2009. С. 49]. *Лев Диакон*: «Скифы [всегда] сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле» [Древняя Русь..., 2010. С. 201].

В составе коллекции предметов вооружения и всаднического снаряжения, найденных при раскопках Гнездовского археологического комплекса, присутствует ряд предметов, аналогии которым происходят с территории Великой Моравии. Среди них — двухчастевой шлем из кургана Дн-86/Серг-1901, топор из кургана Ц-50/Серг-1898, топор из раскопа ГС-IV/Авд-1971, обломок серебряной шпоры из кургана Л-47/Авд-1949 и, возможно, две шпоры, найденные на поселении². Предметы вооружения, снаряжение всадника, ряд ювелирных украшений и керамика позволяют предположить проникновение в Гнездово в рамках первой половины X века населения с территории Центральной Европы (Великой Моравии) [Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 257–258]. Но этот центральноевропейский «импульс» не оказал сколько-нибудь значительного влияния на процесс формирования древнерусского комплекса боевых средств, и в рамках Древней Руси он относительно полно представлен только в Гнездове.

«Древнерусский» этап (с середины X века). Возрастающие амбиции древнерусского государства, направленные в том числе и в южном направлении, приводили к конфликтам с Хазарским каганатом и Византийской империей. Ведение военных действий против мобильных конных отрядов степняков, а также против тяжеловооруженной византийской конницы значительно осложнялось отсутствием собственных всадников. Эта проблема решалась путем заключения союзных отношений с отдельными кочевническими ордами. Так, в походе князя Игоря на Византию в 944 году его союзниками выступали печенеги, в военной кампании князя Святослава против Болгарии и Византии — венгры [Древняя Русь..., 2010. С. 196]. Предположительно в середине X века предпринимаются усилия по созданию собственных конных отрядов. По сообщению византийского императора Константина Багрянородного, русы покупали у печенегов лошадей [Древняя Русь..., С. 152–153]. Есть также сведения о покупке седел и узды у чехов в Праге [Кирпичников, 1971. С. 56]. Первая зафиксированная письменным источником попытка русов попробовать свои силы в сражении верхом была предпринята в битве под Доростолом в 971 году: «...скифы к концу дня выехали из города верхом — они впервые появились тогда на конях. Они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами [на лошадях] не умели. Ромеи тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копья (они пользуются в битвах очень длинными копьями) и стремительно, грозной лавиной понеслись на вра-

¹ Возможно, к более раннему времени (конец IX — первая четверть X в.) относится находка клинка меча в погребении 3 могильника Плакун [Назаренко, 1985. С. 165].

² Наиболее вероятно, что эти две шпоры, относящиеся к группе шпор с загнутыми вовнутрь крючками, относятся к более раннему времени. Шпор X века на территории Древней Руси найдено всего несколько экземпляров. В массовом порядке шпоры распространяются с XI века [Кирпичников, 1973. С. 64].

гов. Ромейские копы поражали [скифов], не умевших управлять лошадьми при помощи поводьев. Они обратились в бегство и укрылись за стенами» [Древняя Русь..., 2010. С. 206].

Несомненно, боевое сотрудничество со степняками и попытки создания собственной конницы нашли отражение и в комплексе боевых средств. Перенимая навыки боя верхом на лошади, русские дружинники заимствуют и многие предметы материальной культуры, характерные именно для всаднических «культур». В середине—второй половине X века на территории Древней Руси распространяются сфероконические племени, пластинчатый доспех (?), сабли, кистени, сложносоставные луки и снаряжение конного лучника, наконечники копий типа пик, а также некоторые категории предметов, связанных со снаряжением и убранством коня. Помимо вооружения и снаряжения заимствуется и мода на ношение всаднических элементов одежды — кафтаны, наборные пояса, сумки-тапки [Mikhailov, Kainov, 2011. P. 241–242].

Всаднические предметы вооружения и снаряжения коня появляются в таких отдаленных от юга раннегородских центрах, как Старая Ладога, Новгород, Псков. Наиболее вероятно, что большинство вышеуказанных заимствований попало в состав древнерусского комплекса с территории Хазарского каганата и, вероятно, из Венгрии.

Важно отметить, что с изменениями в комплексе боевых средств меняется и боевая тактика русских дружин. Если походы второй половины IX—первой половины X в. осуществлялись дружинами русов на кораблях, что существенно ограничивало охватываемую военными действиями территорию, то князь Игорь в 944 году, заключив союз с печенегами, идет воевать с византийцами «на лодьях и на конях» [Ипатьевская летопись, 1998. С. 34]. Войско князя Святослава в союзе с венграми во время войны с Византией (970–971 гг.) осаждают и обороняют города, участвует в многотысячных полевых сражениях, в том числе и в качестве конных воинов.

Процесс «номадизации» древнерусского комплекса боевых средств не был простой сменой «северного» (пешего) комплекса на «южный» (всаднический). Количество северо-европейских предметов вооружения во второй половине X века значительно увеличивается, при этом новые типы оружия (мечей, наконечников копий и стрел) появляются на территории Древней Руси почти одновременно с их появлением на территории Скандинавии.

Крайне мало можно сказать о влиянии Византии на формирование древнерусского комплекса

вооружения. Осторожно можно предполагать византийское происхождение некоторых мечей типа А-местный (по типологии А. Н. Кирпичникова), в первую очередь меча, найденного у с. Карабчиево [Кирпичников, 1966а. С. 36. Рис. 31]. Также к византийской продукции предположительно можно отнести некоторые наконечники ножен «варяжско-ливской» группы (по типологии П. Паульсена)³ и булавы типа I (по типологии А. Н. Кирпичникова)⁴ [Paulsen, 1953. P. 103–107. Abb. 135]. Наиболее ранние предметы, определенные нами как предположительно византийские, датируются концом X—началом XI в.

Древнерусский комплекс боевых средств формировался не только за счет иноэтнических заимствований. Во второй половине X века (наиболее вероятно, с последней четверти X века) вырабатываются собственные древнерусские типы вооружения — ланцетовидные наконечники копий типа I с коротким пером, топоры типа III и IV (по типологии А. Н. Кирпичникова). Налаживается собственное производство мечевых клинков с клеймами, выполненными буквами кириллического алфавита [Кирпичников, 1998. С. 246–251]. Собственное клинковое производство согласуется с изготовлением древнерусских вариантов рукоятей мечей типа А-местный (по типологии А. Н. Кирпичникова) [Кайнов, Стефутин, 2012. С. 156]. Ряд находок позволяет предполагать местное производство сабельных перекрестий и деталей ножен [Кирпичников, 1966а. С. 69]. Морфологические особенности некоторых изначально заимствованных типов топоров и наконечников стрел также свидетельствуют об их местном производстве.

Совершенно очевидно, что древнерусская воинская материальная культура второй половины X века складывалась при отчетливом взаимодействии двух военно-технических «традиций». Первая «традиция» связана с пешим боем. Ее носителями являлись как пришельцы — скандинавы, которые в X веке составляли наиболее профессиональную часть древнерусских дружин, так и народы, жившие на территории формирующегося Древнерусского государства — славяне и финны, выступавшие в походы в качестве ополчения, а также постепенно вливавшиеся в состав дружин. Вторая «традиция» отразила влияние степного мира — мира всадников, сражающихся верхом на конях. Хазары, печенеги, венгры и другие степные народы, оставаясь одними из главных врагов древнерусского государства, в то же время зачастую выступали как его союзники и федераты, способствуя тем самым обучению

³ В. Н. Зоценко предлагал искать истоки высоких серебряных наконечников типа найденного в погребении в Десятинной церкви «в традиции художественного оформления парадных ножен холодного колюще-режущего оружия Византийской империи» [Зоценко, 1999. С. 38].

⁴ Нельзя согласиться с высказанным А. Н. Кирпичниковым предположением о юго-восточном (степном) происхождении булавы типа I [Кирпичников, 1966б. С. 48]. Булава, найденная в Саркеле/Белой Вежи и послужившая основой для этого предположения, происходит не из хазарского, а из древнерусского слоя памятника, датирующегося второй половиной XI—началом XII в. [Плетнева, 2006. С. 207, 346. Рис. 82, 1]. В степных памятниках не известно ни одной достоверной находки булавы. В то же время булавы в качестве оружия пехотинцев и всадников упоминаются в византийских источниках (напр., Никифор, 2005. С. 6, 23–24). Самые ранние древнерусские булавы типа I найдены в могильнике Заславля, Минская обл., Беларусь (конец X—начало XI в.) и на селище Петруши, Черниговская обл., Украина (конец X—XI в.) [Плавинский, 2009. С. 363; Волков, 1999. С. 108].

русских дружинников навыкам конного боя и созданию собственной конницы Древней Руси. Изначально для каждой из вышеуказанных «традиций» были свойственны присущие только им как предметы вооружения и снаряжения коня, так и предметы

одежды и украшения. Но на территории Древней Руси обе «традиции» вошли во взаимодействие, на основе которого сложился собственный оригинальный древнерусский комплекс воинской материальной культуры.

Литература

1. Волков И. В. Бронзовая булава из раскопок 1998 г. в Новгороде // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород, 1999.
2. Григорьев А. В. Северская земля в VIII—начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. III том. Восточные источники. М., 2009.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. II том. Византийские источники. М., 2010.
5. Зоценко В. Н. Высокие наконечники ножен мечей конца X—начала XI в. // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.
6. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том 2. 1998.
7. Каинов С. Ю. Новые данные о мече с Сарского городища // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. М., 2011. Вып. 2.
8. Каинов С. Ю., Стефутин С. А. Навершие меча из собрания Государственного Исторического музея // Образы времени. Из истории древнего искусства. Труды ГИМ. М., 2012. Вып. 189.
9. Каинов С. Ю. Находки мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX—X вв. Общество. Государство. Культура. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2012.
10. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX—XIII вв. Археология СССР. Свод археологических источников. Е1-36. Л., 1966 а. Вып. 1.
11. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. Археология СССР. Свод археологических источников. Е1-36. Л., 1966 б. Вып. 2.
12. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. Археология СССР. Свод археологических источников. Е1-36. Л., 1971. Вып. 3.
13. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Археология СССР. Свод археологических источников. Е1-36. Л., 1973.
14. Кирпичников А. Н. О начале производства мечей на Руси // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1998. Том 4.
15. Комар А. В. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.
16. Леонтьев А. Е. Археология мери. М., 1996.
17. Мурашева В. В. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 111.
18. Назаренко В. А. Могилище в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
19. Никифор II Фока. Стратегика. СПб., 2005.
20. Носов Е. А. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.
21. Плавинский Н. А. Булавы конца X—XIII в. на территории Беларуси // Археология и история Пскова и псковской земли. Материалы 54 заседания. Псков, 2009.
22. Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006.
23. Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Енисова Н. В. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.
24. Рябинин Е. А. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладogi (материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. СПб., 1995.
25. Kainov S. Yu. Swords of Gnëzdovo origin // Acta Militaria Mediaevalia. VIII. Kraków — Sanok, In press.
26. Mikhailov K. A., Kainov S. Yu. Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 62. 2011.
27. Paulsen P. Schwertärbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953.